

Осип ФУФАЧЕВ

Родился в 1985 году в Лесосибирске, Красноярский край. В 2001 году переехал в Нижний Новгород, учился в Нижегородском художественном училище и Нижегородском театральном училище. Работал грузчиком, строителем, археологом, преподавателем рисунка и живописи. Дипломированный фотохудожник, дизайнер.

Автор романа «Стекло» (под псевдонимом Осип Бес). Издатель и со-ставитель сборника «Плохое время для героев» (2011), сборника «Души прекрасные порывы» (2017) и сборника прозы и поэзии «Мои лабиринты» (2021). Печатался в журналах «Нижний Новгород», «День и ночь», «Идель», «Невский проспект», «Перископ-Волга», в альманахе «Земляки» и других изданиях. Лауреат премии журнала «Нижний Новгород» (2022) в номинации «Проза». Первое место в номинации «Проза» на Слёте молодых литераторов в Большом Болдине и на Всероссийском форуме молодых писателей в Челябинске в 2024 году. Вошел в короткий список премии «Болдинская осень» в номинации «Проза» (2024).

Живет в Нижнем Новгороде.

УБЕЙТЕ МЕНЯ В ГОРОДЕ

Памяти Надежды Селезневой

Я вернулся сюда в декабре.

Город встретил меня похожим на покрытую ледяной глазурью новогоднюю игрушку. Еще не опавшие листья сковало прозрачной коркой, они блестели и, казалось, звенели чуть слышно, словно серьги в ушах женщины племени мурома.

Огромный рюкзак за спиной придавал мне устойчивости, но ноги все равно разбегались, поэтому я, будто попав в зону шагового напряжения, засеменял к такси, стараясь вовсе не отрывать от земли подошвы.

Таксист, выведав у меня, что я журналист, заломил какую-то совсем нереальную цену. Но торговаться я не стал, а, вздохнув про себя: «Добро пожаловать в самый дорогой город страны», – отправился на снятую для меня друзьями квартиру. Про самый дорогой город я тогда только смутно догадывался, окончательно убедившись в этом уже позже.

Микрорайон мой, несмотря на то что территориально находился в центре, оказался довольно печальным местом. Серые, как грызуны, пятиэтажки теснили панельные девятиэтажные дома. То тут, то там из однородной массы, теряясь в тумане, торчали синеватые, призрачные высотки, а между ними реликтовыми грибами проросли покрытые сайдингом ржавые ларьки.

Давно переполненные мусорные баки, метелки американских тополей, вечные ямы перерывов коммуникаций, громадина торгового центра посередине.

Все увиденное мною было вполне обычным зрелищем для любых российских городов, но микрорайон находился под обстрелом, и обстрелы существенно усугубили его внешний вид.

Синеватые высотки были полностью необитаемы, в стенах темнели дыры выгоревших квартир. Колониям пятиэтажек повезло меньше, прямыми попаданиями им отрывало углы, ломало кровли, или же сразу по несколько квартир стребло в никуда невидимым ковшом чудовищного экскаватора. Уцелевшие же дома стояли щербатые, исцарапанные, прятаясь под посеченными осколками крышами.

Коммунальщики почему-то не спешили сюда наведываться, и срезанные сталью ветви, ввалившиеся внутрь квадраты балконных рам, пробоины в асфальте продолжали тревожить глаз. Обрывки полиэтилена трепетали на ветру, в тех местах, где когда-то были окна, а мусор из неприбранных баков раздувало по пустым дворам.

Возможно, коммунальщики считали, что микрорайон давно пуст, и в своих предположениях оказывались недалеко от истины – людей здесь проживало действительно мало.

В основном пенсионеры одиноко бродили вдоль домов или по одному топтались у подъездов. Молодежь мне не попадалась.

Зато здесь обитало множество собак, и к ночи они, видимо, чувствуя себя законными владельцами улиц, принимались разноголосно тявкать. Когда-то оставленные своими уехавшими хозяевами, собаки расплодились и одичали. Днем они проходили мимо потупив глаза, но с наступлением темноты смелели, а когда люди исчезали в квартирах, собирались группами и делили между собой спорные территории.

Мой подъезд также оказался практически необитаем. Темный и пыльный, он вызывал гнетущее чувство тревоги тишиной закрытых дверей, нарушаемой только моими шагами. Стекол в окнах, как и везде, не было, а полиэтилен давно оторвало ветром. Единственное уцелевшее пластиковое окно зачем-то было приоткрыто, а на подоконниках топорщились из горшков веники засохших цветов. Позже выяснилось, что из восемнадцати квартир заселены всего три, включая мою. Соседей я никогда не видел, но как раз этот факт меня полностью устраивал.

Открыв дверь, я пощелкал выключателем – свет загорелся. Газ тоже работал, а вот воды не было уже две недели, но риэлтор предупреждала меня об этом.

На счастье, прошлые арендаторы оказались весьма хозяйственными людьми и оставили мне в наследство огромное количество самых разных пластиковых емкостей, наполненных водой.

Батареи не грели, отчего в квартире было ощутимо прохладно даже в куртке, но этот вопрос я быстро решил, включив все четыре конфорки на газовой плите. Предстояло выбирать: дышать продуктами горения или дрожать от холода декабрьскими ночами. Я предпочитал первое.

В целом, квартира меня устраивала. Незатейливый ремонт, неприхотливая мебель, но все, что мне было нужно, в ней присутствовало. А главное, меня устраивала цена.

Цены на аренду недвижимости – вот то, что после расценок на такси неприятно меня удивило. Вопреки всякой логике оказалось, что снять квартиру в прифронтовом городе ничуть не дешевле, а то и дороже, чем в моем мирном и комфортном мегаполисе. Можно было запросто сидеть без воды и света, и платить ровно столько же, сколько и на «материке», как называли в республиках остальную Россию. И это при

том, что, как я уже говорил, только в моем подъезде пятнадцать квартир стояли пустыми.

Огромные площади бесхозных квадратных метров пустовали в городе. Жилые, торговые и хозяйственные помещения, оставленные без присмотра, быстро ветшали, а попав под обстрел, без надлежащего ремонта стремительно приходили в негодность. А то немногое, что было доступно, стоило баснословных денег.

Та же проблема касалась рынка услуг, продуктов питания, медикаментов и многого другого. Почему так происходило, я еще не знал и просто радовался своей, на какое-то время, небольшой, заурядной квартирке.

За окном послышалась канонада отдаленного боя. Пол под ногами завибрировал от залпов тяжелых орудий, звякнула тревожно посуда на кухне. Я вспомнил, как знакомый журналист, находившийся в городе довольно давно, узнав, где я поселился, мрачно пошутил: «Тебе нужен будет броник, чтобы сходить за хлебом». «Лучше танк», – мысленно ответил я ему и выглянул в окно.

Установленный в раме надежный двойной стеклопакет в одном месте уже дал трещину, пропустив сквозь нее внутрь тоненькую дорожку льда. В девятиэтажном доме напротив обычные стекла в окнах оказались выбитыми налетевшей когда-то взрывной волной, но стеклопакеты еще продолжали держаться.

Фасад противоположного дома напоминал лоскутное одеяло или же витиеватую дизайнерскую мозаику. Былую, еще советскую облицовку местами посшибало осколками, местами постарались сами жильцы или рабочие, в попытках утеплить помещения. Ремонт застыл на разных стадиях. Бежевые участки относительно свежей штукатурки граничили с холодным бетоном ободранных стен, кусками оригинальной плитки и голым, бурым утеплителем, углы которого трепал ветер.

Белые квадраты окон ПВХ соседствовали с заколоченными фанерой и ДВП окнами, затянутыми полиэтиленом балконами и темными зевами выбитых окон заброшенных квартир.

Странно, но смотреть на это пугающее разнообразие было приятно, и, полюбовавшись им какое-то время и поставив чайник на «вечный огонь», как я уже успел обозвать свою газовую плиту, я стал набирать номер друга.

Денис

Дениса я знал несколько лет и, собственно, по его приглашению уже второй раз приезжал в этот город. В первый раз формальным поводом для приезда послужил рок-концерт.

Конечно же, такое событие не могло стать для меня достаточным основанием, чтобы ради него трястись в автобусе почти двое суток. Я ехал собирать материал и собрал его достаточно для рассказа, но официальной версией моего появления на воюющей территории стал тогда именно концерт.

На обратном пути, когда я проходил КПП, услышав о цели моего визита, изумленные менты прямо назвали меня придурком и собирались сдать меня на освидетельствование на наличие в крови запрещенных веществ. Но, к счастью, обошлось.

Именно Денис и организовал тот самый концерт. Вообще, он являлся некоторым движком неформальной донецкой культуры. Собирал концерты, возил альтернативных музыкантов, поэтов и писателей, сам писал и издавал журналы и книги.

На освобожденные территории бросились, толкаясь локтями, поп-исполнители прошлого века и новые рок-герои, седовласые писатели и молоденькие поэтессы, журналисты-правдорубы и модные блогеры. Получилась странная мешанина. Каждый пытался кричать громче всех остальных, и хотелось спросить, перефразировав Летова: «Кто здесь самый главный патриот?»

Через несколько дней от этих воплей устал даже я, что говорить о молодежи города. Позже я спросил у одного бойца, нужна ли ему такая поддержка? Он, молодой парень двадцати трех лет, ответил, что не только не нужна, но порой даже вредит, а всю подобную деятельность назвал «криками в пустоту».

Я и сам недолюбливал отечественных артистов с отличной от моей политической позицией, но, подчеркну, именно политической.

Город нуждался в воздухе, Денис воздух по возможности давал.

В первый свой приезд я был приятно удивлен местной альтернативной жизнью. Концерт проходил в клубе «Андеграунд», и название это звучало особенно точно в краю шахт и бомбоубежищ. «Если услышите подозрительные свисты, трески и шипение – сразу спускайтесь вниз, – предупредил ведущий еще до начала концерта, – у нас есть замечательный вместительный подвал. Там стоят большие железные сейфы. Они вам никак не помогут, но рядом с ними чувствуешь себя в безопасности».

Я, потолкавшись у стойки бара, заказал себе пива и, усевшись за столик, принялся изучать публику.

К наводнившим город военным всех мастей я привык достаточно быстро, сам ходил по гражданке и с видом обывателя, которому все до фени, не обращал на них никакого внимания. Но на концерте военных почти не было, пара-тройка горок терялись в обилии кожаных курток и черных бомберов. Косухи вместо разгрузок, высокие тяжелые ботинки вместо берцев и треккинговой обуви. Тут и там в слэме мелькали разноцветные гребни высоких ирокезов, а гитарные рифы глушили отступивший, казалось, в нерешительности, грохот канонады.

Стоило выйти за дверь – и обстановка сразу менялась. Мимо по пустым улицам мчались армейские грузовики, редкие прохожие жались к подъездам, и катился над крышами домов непрерывный раздражающий гул.

Совсем недавно мы сами, я, Денис и его подруга Надя, спешили в такси на этот концерт мимо обложенных мешками с песком заправок, а таксист нервно крутил баранку и сетовал на то, что заехал в «плохой» район.

Теперь же волнами накатывала музыка, а местные панки угощали пивом приезжего меня. Полярность сменилась, в который раз доказав, что в этом городе уживаются совсем уж чуждые друг другу вещи.

Неподалеку от моего дома расположился внушительных размеров китайский ресторан. Соседняя от него пятиэтажка, стоящая буквально в сотне метров, была разворочена прямым попаданием почти до основания, досталось и другим домам в округе. Но, несмотря на это, ресторан переливался неонами, как новогодняя елка, освещая своими огнями порой совсем темную улицу, электричество на которой время

от времени вовсе отключали. По залу ресторана пробегали обряженные в китайские халатики официантки, а за высокими, во всю стену, окнами непринужденно трапезничали пары.

Еще один оазис мирной жизни – торговый центр, находившийся всего лишь через дорогу от моего изрядно потрепанного двора. Впрочем, не только моего. Все пространство улочек и дворов вокруг ТЦ носило следы обстрелов. Однако сам ТЦ несколько не пострадал. Он, словно гигантский атлантический лайнер, светясь, нависал над окрестностями, укрытый незримым силовым куполом. Там работали супермаркеты и маленькие бутики, кафешки и кинотеатр были всегда открыты и повсюду звучала тихая ненавязчивая музыка. Складывалось впечатление, что невидимая рука рынка существует в реальности и ревностно охраняет ТЦ от вредных для торговли боеприпасов, хватая их на подлете.

Я и сам частенько торчал там с планшетом, пользуясь халявным вай-фаем, пока не подключился к местному мобильному оператору и не провел в квартиру интернет. Но и после этого я нередко появлялся там. В те дни, когда электричество в округе отключали, а на дорогах не работали даже светофоры, свет в торговом центре не пропадал. Очевидно, ТЦ питался от каких-то своих, автономных генераторов, и там, прикупив кофе и устроившись на мягком диване, можно было зарядить необходимую электронику.

В свой первый визит много полезной информации для рассказов я узнавал именно от Дениса, ведь его опыт являлся действительно уникальным. Он, уроженец Донецка, видел развитие событий с самого начала, в отличие от моих товарищей, которые появлялись в городе наездами и аборигенами считаться не могли.

Чтобы увидеть изнанку местной жизни, чтобы понять и разобраться в ней, следовало хотя бы на время и самому стать местным. Именно этим я и собирался заняться в свой нынешний приезд.

Договорившись с Денисом о встрече, я стал собираться в магазин. Огульно брошенная на кассу супермаркета еда еще в день прибытия, подходила к концу, и нужно было основательно наполнить холодильник. К тому же необходимо запастись алкоголем, поразмыслив, решил я.

Денис не пил совсем, считая, что переусердствовал с градусом во время бурной молодости, но поддержать меня кружкой чая не отказался. Я же хотел как следует набраться, проспаться, возможно, повторить, а уже потом начинать жить своей новой прифронтовой жизнью.

Надя

Должен сказать, что я очень щепетилен в выборе продуктов на длительный срок, невзирая на свою безалаберность. Кочевой образ жизни учит практичности, а жизнь в съемных квартирах, общагах и коммуналках диктует свои законы.

Со временем привыкаешь обходиться малым, не нанося вреда своему желудку. Если кто-нибудь считает, например, что брикеттики лапши быстрого приготовления – это пицца бедняков, то он очень ошибается. Так называемые бич-пакеты, или бэпэшки, – дорогой, вредный и совершенно бесполезный относительно калорий продукт. Проще обычный кипяток пить. И полезней. Один мой приятель до язвы желудка на такой диете из лапши досидел.

Или же, скажем, тушенка. Вещь несомненно удобная, но неоправданно дорогая. Гораздо выгоднее купить курицу или вовсе пойти на рынок, где выбор будет значительно больше.

Пользуясь этими нехитрыми правилами, я обычно не сильно трагился на еду, умудряясь готовить себе и первое, и второе и закусывать перечисленным простеньким салатом. На небольшую сумму денег я мог продержаться достаточно долго.

Непреодолимым барьером в размеренном и экономном образе жизни становились сигареты. Можно, казалось бы, снизить качество табачных изделий, уменьшить тем самым их стоимость и вскоре выплюнуть легкие, но даже такие радикальные меры не слишком помогут. Можно бросить курить, но об этом я даже не помышлял.

Здесь, в этом городе, проблема решилась сама собой. Вначале я был обескуражен выбором табачной продукции в здешних магазинах. Дело в том, что продукция оказалась мне совершенно незнакома, на витрине она представлена не была, и покупать сигареты приходилось, ориентируясь исключительно на стоимость. На кассе я бормотал неизвестное мне англоязычное название, тыкал пальцем в ценник, указанный в списке никотиновых товаров, и задерживал всю очередь, нередко получая взамен за свои старания пачку тонких дамских сигарет. Вдобавок в магазинах цены все-таки кусались.

Решение пришло само собой. Я бродил по округе в районе своего дома в поисках необходимых мне магазинчиков бытовой химии и посуды, мясных и овощных киосков. В общем, всего того, что требовалось мне в моем нехитром хозяйстве.

Маленькая будка табачного ларька привлекла мое внимание. Совсем крошечная, привалилась она к остановке. Таких ларьков я не видел, пожалуй, с детства. Немногим больше сельского туалета, такая же деревянная и неказистая постройка манила россыпью пестрых коробочек из-за грязного стекла витрины.

Большинство сигарет мне также не были известны, но встречались и знакомые марки. Станным образом здешние сигареты стоили в два, а то и в три раза дешевле, чем на Большой земле.

Позже я выяснил, что вся хитрость заключалась в акцизах, а точнее, в их отсутствии. Ну и само собой, половина сигарет была паленкой. Набитым соломой суррогатом с комком ваты вместо фильтра.

Но вскоре я обнаружил, что здесь есть чем поживиться. Желтая пачка с неприметным дизайном стоила как раз втрое меньше моих привычных сигарет, а на вкус ничем им не уступала. Прикупив сразу десять штук, я, весьма довольный, отправился дальше. Предстояло решить еще несколько бытовых проблем.

Проблема с посудой стояла особенно остро. В квартире, что я снял, необходимой посуды оказалось крайне мало. Кружка, несколько тарелок, сковородка и хрустальная советская салатница с толстыми стенками.

Вначале я подумывал запихнуть салатницу в микроволновку и приготовить что-нибудь съестное прямо в ней, но вовремя передумал. Стало понятно, что придется обзавестись хотя бы простенькой кастрюлей. Питаться одними бэпэшками из местных магазинов выходило слишком дорого, бутербродами и полуфабрикатами тем более.

Как-то раз, решив побаловать себя, я купил батон бюджетной, по тутошним меркам, вареной колбасы, рассчитывая, что стану есть ее на «десерт» несколько дней. Но на следующее утро колбаса в холодильнике

нике буквально разложилась и растекалась по белым полкам розовой липкой жижей.

К таким экспериментам я больше не прибегал, на готовую еду и, тем более, на доставку мне не хватало денег, а наварить себе, скажем, кастрюлю макарон я не мог, так как никакой кастрюли у меня не было.

Поход в магазин посуды только расстроил.

Однажды, еще до приезда сюда, в своем городе, на барахолке, мне попала немецкая каска времен Второй мировой. Стальная, в хорошем состоянии. Каска стоила гораздо дешевле эмалированной емкости для варки еды. Выходило, что макароны выгоднее варить в трофейной каске, а не в драгоценной покупной кастрюле.

Был еще вариант найти комиссионку или нечто подобное, но я еще слишком плохо ориентировался в городе и не знал, существуют ли они здесь вообще. Клянчить посуду у приезжих товарищей оказалось занятием бесполезным, они и сами жили на чемоданах, пользуясь самым необходимым.

Выбор падал на моих местных друзей, а их на тот момент в Донецке у меня было всего лишь двое. Денис, тот самый товарищ – музыкант, писатель и организатор рок-конcertов, и его хорошая подруга Надя, у которой я останавливался в первые дни своего пребывания в городе.

Предпочтение, само собой, я отдал Наде. У девушки вполне могла завалиться кастрюлька, а после телефонного обещания подыскать мне подходящую посудину я стал собираться в дорогу.

Надин район считался гораздо опаснее моего. Из окна невооруженным глазом можно было наблюдать, как в сторону Авдеевки работают «Грады». Канонада круглые сутки стояла такая, что мешала говорить. Подобрать на земле, если не получить «на память» в голову, осколок снаряда не составляло труда. А в припорошенной снегом траве газонов притаились мины «лепестки».

«Лепестки» в моем микрорайоне не попадались, но газоны все равно огораживала колючая проволока, намотанная в несколько рядов. Здесь же с тротуаров лучше было вовсе не сходить и всегда следить за каждым своим шагом.

Существовали и другие неприятности.

Собаки из ближайшего частного сектора, не в пример дворняжкам из центра, собирались в свирепые зубастые стаи и легко терроризировали прохожих среди бела дня.

В этот раз обошлось. Под надзором многочисленной собачьей стаи я целым добрался до дома и вскоре, сидя на кухне, делился с подругой своими размышлениями.

– Как так? – спрашивал я, глядя, как хозяйка нарезает бутерброды. – Что у вас с ценами?

– На что? – Надя перестала резать колбасу.

– Да на все! На нее, – я указал на круглые ломтики, – колбаса в два раза дороже, чем у нас. На остальные продукты, на жилье, на такси, на другие услуги. Я таких цен даже в Москве не видел.

– А что ты хотел? Город полон военных и строителей-вахтовиков. Ты серьезно думаешь, что они на автобусах по городу ездят? У нас же нет какого-нибудь Яндексa, перевозчики сами по себе. Если пассажиру без разницы, сколько платить, то и перевозчик цены задерет.

– Ладно, с этим понятно, а с остальным?

– Так во всем – конкуренции нет. У нас только одна сеть продуктовых магазинов, бороться за покупателя им не надо. Покупателю просто

некуда идти. Продукты доставлять сюда накладно. Да и принадлежит вся эта сеть... – Надя, не договорила, но многозначительно подняла глаза к потолку. – Конкурентов они тут не потеряют.

С ее слов выходило, что колоссальный финансовый разрыв между приезжими и основным населением является главной проблемой. Я же полагал, что это только одна ее сторона. Но во многом Надя была права.

Военный или строитель, обладая невероятной, по сравнению с доходом местного жителя, суммой, мог легко позволить себе все, что угодно. Снимать дорогое жилье. Ездить на такси в булочную. Пользоваться всеми благами. Отчего цены неуклонно росли, а доход простых людей оставался прежним. Это, конечно, не могло объяснить разницу в стоимости товаров и услуг, да и в других сферах жизни, между республиками и остальным «материком».

Я задумался, наблюдая, как Надя моет посуду в кухонной раковине. Воды у нее в этот день тоже не было, но в их районе воду давали два раза в неделю, а у меня в квартире вода не появлялась уже давно.

Одной рукой Надя наклоняла над раковиной шестилитровую пластиковую баклажку, другой рукой мыла посуду под вытекающей из баклажки струей. Приходилось попотеть, чтобы вымыть даже пару тарелок.

– Слушай, хочешь, бизнес-идею подскажу?

– Давай, – ответила Надя, не отвлекаясь от своего занятия.

– Нужно скупать на «материке» умывальники... ну, такие... которые в деревнях висят, и везти сюда. Озолотиться можно.

Посмеявшись, мы еще немного поболтали, и я, сунув в пакет кастрюльку, засобиравшись домой.

Собаки к тому времени куда-то подевались, я без опаски шагал к остановке, когда над головой грохнуло так, что уши мои заложило. Я инстинктивно присел, вместо того, чтобы рухнуть, как положено, мордой в замерзшую грязь. «Я же лицо себе, падая, расшибу», – остановила меня неуместная и глупая мысль. Разгибаясь, я наблюдал, как беззвучно катится и подпрыгивает на льду выпавшая из пакета кастрюлька.

Юра

Мои друзья стали прибывать на Донбасс, начиная с четырнадцатого года. Все они, как и я сам, принадлежали к одной и той же организации, добровольческому движению, собранному задолго до военной операции. Некоторые из друзей находились здесь с самого начала конфликта.

За десять лет организация передала в республики множество гуманитарных грузов. Медикаментов, одежды, продуктов питания. Но основной функцией движения всегда являлась помощь добровольцам, которых в самой организации становилось все больше и больше.

В разных городах Большой земли ежедневно, невзирая на времена года, жару и холод, можно было видеть синие палатки организации. В палатках молодые ребята и девчонки раздавали газеты и листовки, вели агитацию и разъяснительные беседы с дружественно настроенными гражданами (вступая порой в конфликты с недружественными) и собирали денежные средства для помощи республикам.

Все чаще члены организации уходили в ополчение, рисковали жизнью, получали ранения, погибали.

Первопроходцы. Мальчишки, не державшие оружия в руках, ехали сюда, даже не зная, что за место такое – Донбасс. А навстречу им, улыбавшимся из-под тентов газелей, тянулись вереницы машин, автобусов и просто пешеходов к границе с «материком».

Один мой товарищ, родом из Новосибирска, рассказывал, как, прибыв в расположение, они с новобранцами обнаружили во дворе абрикосовое дерево. Плоды с нижних веток давно обобрали, но выше, куда не дотянуться рукой, фрукты остались нетронутыми. Недолго думая, они принялись сбивать абрикосы прикладами автоматов, ухватив оружие за стволы, по-обезьяньи прыгая вокруг дерева. Надо же, абрикосы вот так запросто на деревьях растут!

Рассказывая мне этот случай, товарищ не скрывал восторга, казалось, что это было одним из самых ярких впечатлений за всю его поездку.

Случались и курьезные случаи, ну как курьезные – в кавычках... Другой мой приятель подорвался на mine. Не смертельно, но осколок в ногу ему угодил. Осколок достали на месте, а вот долечиваться беднягу отправили на Большую землю. Вернувшись в родной город, приятель, как положено, поковылял в больницу. На вопрос изумленного врача, осмотревшего рану, пожав плечами, ответил: «Осколок». «Откуда?» – еще больше изумился врач. «Подорвался на mine», – как есть, ответил тот. «На какой mine? Где?» – «На войне», – стал раздражаться приятель на бестолковость врача. «Мы же ни с кем не воюем... – врач задумчиво поправил очки. – Что же мне тебе в заключении написать?» Что написал врач, я не уточнял. Мне только сейчас стало интересно, как в то время оформляли раненых. Как-никак, среди них были люди и с пулевыми ранениями. Повторюсь, ни о каком СВО тогда никто даже не помышлял. Никто ни с кем тогда не воевал, ни о какой войне не могло быть и речи.

А ведь были и погибшие.

Коллега Илья Гурьев, с позывным Заяц, как и я, занимался археологией. Погиб, ликвидируя прорыв танковой колонны, остались две дочки. Через несколько лет мне довелось поработать с той самой конторой, где работал Илья. В офисе фирмы на стене висит большая фотография Ильи. Он с автоматом, улыбается, щурится на солнце.

Преподаватель русского и литературы Женя Павленко, отец двух дочерей, позывной Таймыр, погиб под минометным огнем, вытаскивая раненого товарища из-под обстрела, через полтора месяца после приезда сюда.

Оба были младше меня сегодняшнего, имели семьи, но поехали, несмотря ни на что.

Как оформляли их тела? На пьяную драку вроде не похоже. А это были только первые погибшие в организации на той «не войне».

На Донбассе к тому времени скопилась масса различных политических сил. И правых, и левых, и крайне-умеренных. В целом народ шепутной и вооруженный. Каждый имел свою точку зрения, порой радикально несовместимую с официальной повесткой. Каждый мечтал вложить свои пять копеек, а кто-то и утянуть одеяло на себя. Естественно, что множество идей бурлило под самыми разными знаменами. Звучали и совсем крамольные мысли: «Всех перебьем и заживем счастливо!»

Так прошло восемь лет. Неугодных – убрали. Неумытых – умыли и причесали. С кем-то договорились, а с кем-то не очень.

Интерес к событиям четырнадцатого года на Большой земле угасал. Взынченные на событиях рейтинги ослабли и провисли. Поток грузов обмельчал, и финансирование усохло. Людей волновали житейские трудности.

Беды с городским транспортом, мусорными полигонами, пенсионными реформами не пропали, а спрятались под волной всеобщего единства. Вода отхлынула, а беды лежали на прежнем месте серыми валунами и, кажется, под шумок только подросли.

Я и сам подумывал, что все последние годы провел как будто на другой планете, а в реальной жизни вроде бы даже женился и вроде бы даже успел развестись.

Заторопилось жить новое поколение, которому оказалось совершенно незачем вникать в чужие события в чужие для него времена.

Возможно, все бы затихло совсем, не для Донбасса, разумеется, а для всей остальной огромной страны, но однажды февральским утром наступил двадцать второй год.

Мне так показалось, что наступил он именно февральским утром. Слишком долго шел переговорный пятнадцатый.

Кто-то переобулся, кто-то перекрестился, кто-то достал чемодан, а заскучавшая было организация крепко встала на военные рельсы.

Множество добровольцев потянулись на Донбасс по линии «Интербригад», но в первые, да и в последующие месяцы, в первые особенно остро, чувствовалась всеобщая неразбериха. Заполощные вояки либо не подготовились, либо вовсе забыли на намеченный блицкриг. Не хватало то носков, то танков, то салфеток, то бронеплит. Шуруповерты выдавали, а шурупы к ним, как на любой большой стройке, не подвезли. Недоставало экипировки, теплых вещей, даже нормальной обуви; одетые как попало бойцы мерзли в окопах.

Организация не могла помочь всем, ей было не под силу серьезно влиять на весь театр военных действий – масштабы стали другими, – впрочем, теперь этого и не требовалось. Все от мала до велика, от губернаторов до ветхих старух, желали прийти на помощь вооруженным силам.

Но и в такой сумятице «Интербригады» смогли отыскать свою нишу. Если всем на свете помочь невозможно, то решено было помогать точно, отправляя определенным подразделениям необходимые им конкретно заказы.

Гражданская гуманитарка, и раньше являвшаяся только побочкой от снабжения добровольцев, вовсе сошла на нет. Вместо синих палаток организации в городах начали открываться так называемые «Цеха», в которых изготавливали массу нужных бойцам изделий. Окопные свечи и печки, маскировочные сети и носилки для раненых, а также более сложные комплекты для боеприпасов и техники. Также «Цеха» служили перевалочными пунктами или пунктами закупок необходимого оборудования.

Все полученные грузы позже стекались сюда, в Донецк, в штаб «Интербригад», а уже из него отправлялись нуждающимся в них подразделениям.

В «Цехах» на добровольных началах трудились сотни человек. Естественно, что такой механизм, включавший работу людей, множество рабочих рук, логистику, транспорт, свою бухгалтерию и кучу еще всего, не мог держаться на честном слове. За каждой отраслью приходилось следить, для чего назначались ответственные лица. Существовали

руководители на местах и люди, руководившие всей организацией – координаторы.

Одним из координаторов стал Юра.

Познакомились мы с ним много лет назад, сколько, я толком не помню, но тогда наши политические взгляды и взгляды на жизнь совпадали. Они, за редким исключением, совпадали и сейчас, а редкое исключение – моя безалаберность, упомянутая мной выше, которая никак не вязалась с обстановкой вокруг. Юра же, напротив, человек твердый, на мой взгляд, чересчур, старался держаться указанного маршрута, не нарушая намеченный распорядок.

Однажды, собирая в «Цеху» деревянный стеллаж, мы здорово поспорили над чертежами. Там, где я собирался загнать несколько длинных саморезов, скрепив ими стеллаж, Юра настаивал на пазах с обязательной проклейкой, потому что так, а не иначе, указывалось в чертежах.

Педантичность – полезная для руководителя черта – мне нередко казалась занудством. Хотя свое собственное разгильдяйство я тоже ничем хорошим не считал.

Тем не менее прошли мы вместе немало, отлично знали друг друга, к тому же были земляками, и я прекрасно понимал, какой груз ответственности носит на себе Юра. Лучшей кандидатуры на его должность было просто не найти.

В конце концов, через «Интербригады» на фронт шли не только грузы, на фронт шли люди, и от руководства зависели жизни людей. Механизм должен работать как часы, и координаторы с этим справлялись.

А вот я становиться частью часов не собирался.

Еще до поездки я поставил себе цели, которым намеревался следовать, а работа в стенах штаба мешала моим планам. Нет, я не думал вовсе отлынивать от своих обязанностей в организации, но жертвовать временем не был готов.

Жизнь в штабе движения напоминает вахту или экспедицию. По долгу службы археологом я бывал во многих старинных городах страны, но все, что мне довелось в них увидеть – это оцинкованный профнастил забора вокруг раскопок, ближайшую «Пятерочку» и иногда алкомаркет. Многомесячная гонка по кругу с короткими перерывами на сон никак меня не устраивала.

О буднях военных, добровольцев, военкоров и волонтеров написано немало, но о судьбах простых людей, о том, чем они живут, о чем думают все эти страшные годы, – практически ничего.

Я, желая исправить такую несправедливость, хотел вставать с ними по утрам, дожидаться автобуса на пустой остановке, идти по их улицам, жить их обычной жизнью.

Обычной жизнью, среди обломков стен под битыми крышами, под выходами и прилетами, обходя «лепестки» на газонах, зная о непогоде от расчета синоптиков установки РСЗО.

Я поселился отдельно. У «Интербригад» имелись свои помещения, где квартировали интербригадовцы, но я, не желая вкладывать все силы в общий труд, никакого морального права обитать там, естественно, не имел. Нет, никто меня, конечно, на улицу не выгонял, но чувствовать себя чем-то обязанным всегда неприятно.

Вскоре и вовсе выяснилось, что острой необходимости в моем содействии не было. В помощи моей особо не нуждались. Лишний винтик в отлаженном механизме оказался лишним.

Позже я обнаружил, что место моей будущей донецкой работы располагалось всего лишь в квартале от штаба, и я уже с чистой совестью наведывался туда только затем, чтобы выпить с Юрой кофе да потрепаться с другими знакомыми и друзьями.

В штабе было с кем, неспешно покуривая, обсудить обстановку и было у кого узнать последние новости. Юра, как и остальные бойцы и активисты организации, находился здесь в своей тарелке и на своем посту. Его выбор приехать в Донецк был тщательно взвешен, как, наверное, и мой, и оттого давно мне известен и не нов. Я заранее знал, какой он видит войну, но меня интересовал иной взгляд.

Все члены «Интербригад» сделали свой выбор, прибыв сюда. Все осознавали, чем такое решение может грозить, соглашались на него добровольно и выполняли свои задачи без лишних слов.

Мотивация интербригадцев была ясна, маршрут построен, известно время в пути. Но за пределами их маршрутов жил своей странной жизнью остальной миллионный город, в который стремился я.

Сухая трава меж плит на площади у ж.-д. вокзала, куда я случайно забрел, а в ней у бордюра две детские игрушки и несколько цветов. Темная труба перехода, где я испытал настоящий ужас, представив на миг, что случится, если что-нибудь тяжелое угодит в нее сверху. Внезапный мраморный Иисус в кустах у католического храма, среди каких-то гаражей и поваленных деревьев. Все те кусочки, одни из немногих, что ежедневно требовали обратить на них внимание. И попытаться понять, прежде всего для себя, что значит жить на волосок от смерти, не помышляя о медалях и орденах.

Настя

Я проснулся от журчания воды.

Уже месяц я не закрывал водопроводные краны ни в ванной, ни на кухне, ожидая, что вода появится. Но нет, ни одной капли за все время, что я здесь жил, из кранов так и не упало, а мои запасы давно иссякли.

Я спасался тем, что покупал воду в магазине. Еще одна донецкая особенность – в каждом продуктовом магазине продавалась вода.

Обычная вода, я ее для бытовых нужд использовал. Посуду помыть, постирать, самому худо-бедно помыться. Чайку мог заварить. Нормальная вода, разве что сырой ее я старался не пить. Стоила она немного, три рубля пятьдесят копеек за литр. Покупаешь литров двадцать – двадцать пять, и на пару дней хватает.

Питьевая вода в больших, пятилитровых, бутылках, к слову, в магазинах тоже имелась, но обходилась в два раза дороже, чем в моем городе. Очевидно, кто-то наживался даже на ней.

Услышав стук капель сквозь сон, я подскочил с кровати и бросился в ванную. Но надежда улетучивалась по мере того, как я крутил туда-сюда вентили безучастного смесителя. Шум воды не имел к водопроводу никакого отношения, меня затапливали соседи сверху. Мутно-бледные от извести, тяжелые капли висели по всему потолку. Влага сочилась по стенам, и обои, напитавшись ею, где-то уже отклеились. Кухонный шкаф набух и деформировался, и повсюду в квартире звенела непрошенная капель.

Я заметался с тряпкой, тазиком и драгоценной кастрюлькой из угла в угол, но пытаюсь собрать воду, то набирая номер риелтора. Бежать на-

верх на пятый, последний, этаж было бесполезно, там попросту никто не жил.

Но откуда взялась вода в нашем полумертвом доме?

Выжимая тряпку в кастрюлю, я зачем-то решил спросить совета у подружки, человека, с которым в последнее время общался чаще всего, и которая нередко выручала меня дельными советами, пускай и по интернету.

– Настя, привет! Меня соседи сверху заливают. Что мне делать?

Телефон тут же булькнул оповещением об ответном принятом сообщении.

– Вода – это не самое плохое, что может падать на тебя сверху. Сходи к соседям или воду перекрой.

– У меня нет соседей и нет воды.

Телефон немного помолчал и снова забулькал:

– Тогда не знаю, вызови аварийку...

– Аварийку? Здесь? Может, еще МЧС, а лучше штурмовую группу? – Я с досады чуть не плюнул в лужу у ног, но тут мне перезвонил риэлтор, и я, немного успокоившись, рассказал о своей проблеме.

Вскоре в дверь мою постучали. На пороге стояла усталая, пожилая женщина в спортивных подвернутых штанах и домашнем халате, халат местами промок.

– Здравствуйте. Я хозяйка квартиры наверху, – она неловко переступила с ноги на ногу. – Пойдемте, я покажу вам, в чем дело. И обуйте лучше ботинки, – добавила она, заметив, что я вышел в тапочках.

– Ничего страшного, – отмахнулся я и стал подниматься вслед за хозяйкой на пятый этаж.

– Это дочка квартира, но она в Ростове живет, – тем временем как-то бесцветно рассказывала женщина, – я тоже не здесь... плохой район, сами знаете. Иногда только захожу. Давно жду уже, а сегодня, видите, потеплело...

Дверь была открыта, и, переступив порог, я с размаху опустил ногу в холодную воду. Некогда ухоженная квартира представляла из себя жалкое зрелище. Мебель в прихожей изъела влага, покрытие кое-где вздулось и напоминало волдыри на обугленной коже. По светло-зеленым обоям кляксами ползла черная плесень. В гостиной причудливо пузырился натяжной потолок.

Дальше я заглядывать не стал. Вода, в которой я стоял, доставала мне до щиколоток, в ней плавала обувь, какие-то баночки и вездесущие пустые баклажки.

– Как это случилось? – изумился я. – Воды нет ни в батареях, ни в стояке.

– Воды нет, – все так же тускло вздохнула женщина, – и крыши тоже. А вы не знали?

Я и правда, разглядывая расстрелянные соседние крыши домов, даже не подумал о том, что творится над моей собственной головой. Я выглянул в подъезд; из стены торчала железная, крашенная голубой эмалью лестница, а над ней располагался квадрат открытого люка. Из него на лестничную клетку падал дневной свет. Слишком яркий для обычного полумрака чердака.

Когда я забрался по железной лестнице и просунул голову в люк, мне все стало ясно. Прямо над злополучной квартирой в проломленном шифере между стропилами каркаса зияла внушительная дыра.

Перевалившись через бортик люка, я, шурша керамзитом, подошел к пролomu, закурил и посмотрел вверх, на проплывающие над головой тучи.

Позавчера в городе разгулялась редкая для этих мест метель. Такая, что мгновенно встал гражданский транспорт и тротуары тут же занесло, а местная неумелая снегоуборочная техника не справлялась с сугробами.

Немудрено, что и через эту дыру на чердак намело немало снега, следы которого до сих пор еще виднелись кое-где. На улице снег растаял за считанные часы, а здесь пролежал какое-то время, дожидаясь оттепели, а дождавшись, благополучно протек в квартиру несчастной хозяйки.

Мне стало жаль пожилую женщину.

Интересно, полагается ли какая-то компенсация в подобных случаях? А если полагается, то у кого ее спрашивать? У войны?

Сунув окурок в уцелевший на чердаке снег, я вернулся к люку. Спускаясь, я обратил внимание на листочек бумаги, приклеенный скотчем к соседней от квартиры моей новой знакомой двери. «В ваш балкон был прилёт, позвоните по номеру...» – дальше синей шариковой ручкой был выведен номер местного оператора. Хозяйка гремела ведрами где-то в недрах своего жилища, и я не стал ее беспокоить, а потихоньку спустился к себе.

В холодильнике у меня оставалось полбутылки перцовой настойки. Я вытер рюмку бумажным полотенцем, налил грамм пятьдесят и выпил, затем вновь оглядел внутренности холодильника. Но ничего подходящего на роль закуски там не нашлось.

Почему-то остро хотелось обычных пельменей.

Вода на полу тем временем подсыхала, очевидно, соседка на пятом этаже как-то справилась со своим потопом, и капель в моей квартире сошла на нет. Я до отказа открутил ручки всех конфорок на газовой плите, «вечный огонь» пыхнул жаром, и тюль на окне шевельнулся в горячем воздухе.

Я прошел в гостиную, уселся в кресло, сбросив промокшие тапочки, и взялся за телефон.

– Настя, сварить мне пельменей, когда я вернусь? Здешние пельмени – редкостная дрянь.

– Обязательно, а ты вернешься?

– Само собой. Еще скажи, ждать будешь? – Я покрутил в руке телефон и нехотя поставил скобку после вопросительного знака.

– Конечно буду, – без всяких скобок ответила она.

Гурбан

Я закрыл очередное объявление в интернете и отложил телефон в сторону. С поиском работы в Донецке почти сразу возникли проблемы.

В городе в основном требовались военные или строители. Первый вариант для меня отпадал из-за отсутствия все того же личного времени. Если я не мог полноценно заниматься работой в штабе, то сидеть в окопе тем более не мог. Второй вариант подходил идеально для интеграции в город, но с ним возникли проблемы иного рода.

Мариуполь уже освободили, но город лежал в руинах, и в него со всей страны за длинным рублем тянулись разнорабочие и профессиональные строители, одиночки и целые бригады. Интернет пестрел

объявлениями о найме на стройки Донбасса, и я наивно полагал, что по приезде сюда сложностей с трудоустройством у меня не случится. Но все оказалось не так просто.

На запрос в поисковике: «Строительство, вакансии, Донецк» на меня из ноутбука посыпалась масса объявлений о наборе на стройки Ростова, Волгограда, Нижнего и даже Сибири, но среди них не нашлось ни одного объявления о наборе на местные стройки.

Это меня удивило. Кругом все раздолбано, дырявые крыши, разбитые дороги, а строители нужны в Ростов?

Ну, пускай так. Но зачем везти людей из Ростова сюда, а отсюда в Ростов?

Также меня смутили обещанные местным аборигенам оклады на Большой земле. Если на «материке» предлагать неплохие деньги за работу в республиках оправдано – все-таки опасно, не каждый согласится ехать, – то платить дончанам за неквалифицированный труд в мирном городе больше, чем среднему менеджеру, не имеет никакого смысла. Я сам с радостью бросил бы и журналистику, и литературу, и поскакал бы таскать кирпичи за обещанные в объявлениях деньги. Но я знал, что такого не бывает, а знали ли об этом местные жители?

Дело было нечисто, пахло очередными махинациями. Зачем соблазнять донецких строителей сказочными гонорарами и отправлять неведомо куда, когда на их собственной земле работы непочатый край? Возможно, только для того, чтобы сменить на местах бесправных узбеков, которые, в свою очередь, давно освоились в «нашей Раше» и бесправными быть перестали. Между строк объявлений скрывалась ехидная рожица капитализма, адепты которого плевать хотели на бедственное положение Донбасса.

Прошло немало времени, пока среди вороха интернет-мусора я все-таки отыскал подходящую мне вакансию. На стройку в Донецке требовались люди. Неважно откуда, просто люди и просто на стройку.

Объект оказался внушительным, и бригады создавали на месте, не особо вникая в навыки вошедших в них строителей. Предстояли масштабные черновые и демонтажные работы, и начальство, видимо, решило, что сейчас важно прежде всего количество, а не качество кадров. С качеством оно собиралось определиться позже.

Люди приходили каждый день, и брали всех без разбора. Со мной пришли еще четыре человека, и нас, даже не спросив документы, приняли в коллектив. Выдали каски, посчитали по головам, записали фамилии, и мы приступили к работе.

Любая стройка – это лотерея. Никогда не знаешь, сколько и когда на ней заработаешь и заработаешь ли вообще. С большими профессиональными бригадами, как правило, заключаются трудовые договоры. В таких бригадах трудятся бывалые и тертые мужики, ссориться и кидать их на деньги опасно, они все равно так или иначе заберут свое. Вынесут с объекта материалы или инструменты и продадут, а вдобавок запросто наваляют прорабу, подрядчику, а то и начальству за неуплату. С такими, как я, одиночками, договоров не заключают, и приходится надеяться на порядочность руководства и собственную удачу.

Мне повезло – я примелькался сразу.

Во-первых, на всей огромной стройке выходцев с Большой земли оказалось всего двое, я и еще один парень из Воронежа, но он вскоре запил и куда-то пропал. Я остался один, и все остальные работяги смотрели на меня как на чудака. Большинство их знакомых, родственников и друзей,

вдохновенные чудесными объявлениями, уехали зарабатывать состояния на «материк», а я зачем-то притащился сюда, бросив мирный обетованный край. На частые вопросы о целях моего визита я отшучивался, а к моей фамилии прочно прилипла присказка: «Этот, из России».

Во-вторых, с легкой руки прораба у меня появилось довольно приметное прозвище. Услышав мое имя, он хитро прищурился и с усмешкой спросил: «Сталин, что ли?» Вскоре коллеги называли меня именно так, а я гордо подписал свою оранжевую каску псевдонимом генералиссимуса.

Прораб, которого звали Гурбан, был из числа правильного, порядочного руководства, и работалось с ним легко.

Он не только бродил по стройке, раздавая указания, но и охотно брался за любое дело, личным примером мотивируя остальных. Если ломали межкомнатные перекрытия, хватался за кувалду, если заливали стяжки, вместе со всеми ровнял раствор, бегал с канистрами солярки, заправляя тепловые пушки, и первым шел разгружать стройматериалы из прибывающих фур. Он успевал вести бухгалтерию, следить за ежедневно растущими бригадами, писать отчеты, и, находясь всегда неподалеку, легко и беззлобно разьяснял разгильдяю-рабочему, какой стороной вкручивать саморез.

Азербайджанец по национальности, Гурбан родился на Донбассе, и по этой причине имел мало общего со своими кавказскими соплеменниками. Я успел заметить, что родившиеся на Донбассе люди разных кровей приобретают общие черты, зачастую вовсе теряя свою национальную идентичность. Не стоит, как мне думается, глубоко копаться в истории в поисках происхождения данного феномена, скорее всего, здешний менталитет формировался в основном в котлах советских заводов.

Во всех дончанах, независимо от возраста, пола и национальности, было что-то общее, какой-то свой маркер. Донбасс напоминал эдакую Большую землю в миниатюре, где любят твердить, что мы многонациональный народ, но, несмотря на родное племя, – все мы россияне. А на деле на «материке» лозунг работает ровно наоборот – есть в первую очередь татары и башкиры, чеченцы и ингуши, ханты и манси, а россиянами народы считают себя уже во вторую очередь. На Донбассе же национальность ставится на второй план, если вообще учитывается, и здесь лозунг приходится к месту.

Свойствами своего характера Донбасс обязан и некоторой территориальной изолированности. Фактически проживая в составе одного государства, его жители считали себя гражданами другого, что также способствовало народному единению.

В любом случае я не специалист в таких областях, а всего лишь любопытный прохожий, которому приглянулся местный уклад, открытость и доброта здешнего населения. За всю жизнь, привыкнув к тому, что ничего хорошего от собратьев ждать не приходится, здесь, под обстрелами, я, наконец, успокоился.

Мне нравилось на стройке. Строители, люди преимущественно кочевые, имели в своем багаже целый ворох пестрых историй, которые скрашивали любой тяжелый и монотонный труд. Впрочем, монотонной работу на стройке назвать сложно.

Под байки старожилы мы ломали межкомнатные стены, радуясь, когда от пары точных ударов кувалды стена оседала, кренилась и с грохотом валилась всей массой вниз, рассыпалась по бетонному полу отдельными кирпичами. Чихали от пыли, ругались с кладовщи-

ком за каждую отвертку. Вместе курили и обедали, толкаясь в очереди, занимали выгодные места к единственной микроволновке. Матерились по утрам, роясь в куче вонючих и пыльных ботинок, разыскивая в ней точно такие же свои. Следили за работой ПВО в небе над нашими головами, когда монтировали тепляк на крыше.

В один из таких дней мы услышали об ударе по рынку в микрорайоне Текстильщик. Точнее, мы его увидели. Слышно ничего не было, но с крыши открывался хороший вид на город, и мы стояли и смотрели, как вдалеке в январском морозном воздухе поднимаются безобидные, на первый взгляд, белые дымки.

Некоторые потянулись к телефонам. Кто-то хотел пробиться к родным и близким сквозь короткие гудки перегруженной сети, кто-то судорожно листал ленту новостей, выхватывая из нее и тут же озвучивая информацию о произошедшем. Но большинство столпилось у обледенелого кирпичного парапета. Люди, положив ладони на холодную кладку, молча смотрели на курящиеся в утреннем воскресном воздухе белые дымки.

– Там магазин хороший был, с телевизорами. Как раз новый себе хотел там покупать, – жуя сигарету, задумчиво протянул мужик справа от меня.

Я удивленно посмотрел на него. Только что мы узнали, что число погибших достигло восемнадцати человек. Сказанное мужиком прозвучало, мягко говоря, цинично.

Я продолжал так считать еще несколько дней и даже стал с неприязнью глядеть в сторону любителя телевизоров, пока не произошел еще один незначительный, казалось бы, случай.

Гурбан опаздывал на работу, чего с ним раньше никогда не случалось. Мы бездельничали в бытовке, потому что каждое утро именно он считал нас по головам и распределял в бригады. Когда он появился, то, не дожидаясь наших расспросов, сдержанно пояснил:

– Во двор снаряд прилетел, во всем доме стекла выбило. Пришлось окна в квартире чем-то закрывать.

– Чем закрыл? – деловито спросил любитель телевизоров. – ДВП?

– Да не, – вздохнул Гурбан, – я только недавно окна новые вставил, их и выбило. А старые у меня в подъезде хранились, я их обратно приладил.

Их привычный разговор пугал вовсе не тем, что во двор жилого дома угодил стопятидесятипятимиллиметровый снаряд, пугала та интонация, с которой они обсуждали случившееся. Словно ничего особенного не произошло. Маршрутка опоздала или погода испортилась. Эдакая досадная неожиданность, неудобная ситуация.

Люди настолько привыкли к войне, что она стала для них не больше чем насморк, простуда, большой зуб.

Война – это страшно, жестоко, неправильно. А еще война – это неудобно, узнал я тогда. Случайный снаряд то забор повалит, то тещу прибьет.

Бойцы

Везде; в углах и на полу, на столе, на продавленном диване, выпав из дверей платяного шкафа, похожие на кучи прелых листьев, громоздились ворохи камуфляжного барахла. Разгрузки, броники, каски, подсумки всех мастей и под все что угодно, обувь, раскиданная

в коридоре вокруг тактических ранцев, табачный дым и полупустые банки из-под энергетиков.

Двое парней спорили за ноутбуком о прочности бронеплит. Третий, сидя на полу, разбирал патроны от автомата, доставая их из прозрачного целлофанового пакетика, порох он высыпал в горку на газету, а пули вставлял обратно в пустые гильзы. Четвертый, утонув в кресле, внимательно изучал информацию о препаратах, разбросанных во множестве рядом с ним. Когда я вошел, никто из них не обратил на меня внимания.

Случилось так, что свою последнюю ночь в Донецке я ночевал вне дома. Риелтор забрала ключи, а на автобус из города я не успел.

Давным-давно наступила весна. Но когда она наступила, я не заметил. Однажды я отодвинул тяжелую штору, хлипкую преграду осколкам стекла, если их вдруг забросит взрывной волной внутрь моей квартиры, открыл дверь и вышел на балкон. Вечерело, и длинные синие тени деревьев обшаривали пустой неухоженный двор. Они заползли на детскую площадку, коснулись ржавчины позабытых неподвижных качелей, и те чуть слышно скрипнули цепями, отвечая на прикосновение теней. На легком ветру трепетали обрывки полиэтилена, за щербатые стены пятиэтажек, между призрачными высотками, садилось круглое закатное солнце, а темные окна оставленных квартир вспыхивали красным в его лучах, словно в дом угодил зажигательный боеприпас.

В другой раз я попал под дождь. Настоящий теплый ливень накрыл меня по дороге домой, я не стал ждать автобуса и отправился домой пешком. Под ногами, пузырясь, закипали лужи, в жестяных водосточках гроыхала вода, и капли дождя ложились плотно, поражая все доступные ему цели. Но я не стремился искать укрытие в подземных переходах, под бетонными козырьками подъездов или же под навесами автобусных остановок и вскоре промок до нитки. Капли повисли на бровях, носу и подбородке, прозрачными ручейками катились за шиворот, смывая пот, пыль и усталость тяжелого дня. Прозрачные и чистые капли, пока еще чистые, сыпались с черного, угрюмого неба. Говорят, что при ядерном ударе радиоактивная пыль, поднявшись в атмосферу, выпадает на землю в виде специфических осадков – идет черный дождь.

После взятия Авдеевки обстрелы Донецка поутихли, и я понял, что пора собираться домой.

Наметив день отъезда, я убрался в полюбившейся уже квартирке, умудрился вымыть пол водой, которая так и не появилась, и позвонил риелтору, намереваясь отдать ключи, забрать задаток и вечером, прыгнув в автобус, отчалить восвояси. Но наши с риелтором пути не совпали, приехать она могла только вечером, уже после отбытия последнего автобуса, а значит, мне предстояло искать себе крышу над головой на текущую ночь. В штаб я идти не хотел, обременять местных друзей тоже, и я решил позвонить знакомому вояке, у которого, по слухам, имелись связи в военных кругах и возможность приютить путника.

– Без проблем! – ответил вояка. – Есть квартирка одна. Там парни живут, у них найдется место. Только ты это... они пришибленные чутка, внимания не обращай. Они... кто с Авдеевки только что вернулся, кто откуда, с передка, в общем. Не отошли еще. А так они хорошие пацаны. Я позвоню им, предупреджу.

Войдя, помявшись на пороге и не дождавшись никакой реакции, я отвязал от рюкзака пенку, бросил на пол и уселся в углу.

– Кури, если хочешь, – оторвался от коробочек с лекарствами парень, сидящий в кресле, – банку с энергетиком возьми под пепел. Бери любую, – добавил он, заметив, что я озираюсь по сторонам в поисках пустой банки, – там везде бычки плавают. Постал у нас любит их туда бросать.

– А чо я? – пробубнил рыжий парнишка в камуфляжных штанах и тельняшке из-за ноутбука.

– А скажешь, не ты? Банку откроешь, хлебнешь и бычок туда бросаешь. Тебе вообще по хрен! – возмутился парень в кресле. – Ты, значит, домой завтра едешь? – обратился он уже ко мне. – Бывал где?

– Не довелось пока, – уклончиво ответил я, закуривая.

– Понятно. Большой вон тоже завтра домой едет, – кивнул парень на совсем юного невысокого пацана, который ковырял патроны. – Большой, завязывай БК портить!

– Мне трассер еще нужен, – вороша кучу патронов, отозвался пацан, которого назвали Большим.

– Это он сувениры домой везет, ребенок, мля! – Парень в кресле выдал из упаковки несколько таблеток и, не запивая, проглотил. – А вот это у нас Постал, герой Авдеевки, – повернулся он к рыжему парнишке, – а тот хмурый рядом – это Глухарь, бог войны. Глухой, как сволочь! Ну а я просто Влад, – добавил Влад и съел несколько таблеток из другой упаковки.

Я тоже представился.

– Приятно! – Влад принялся распечатывать новую коробочку с таблетками, а заметив мой заинтересованный взгляд, пояснил: – Понимаешь, спать не могу. Ищу в побочных эффектах «сонливость» и ем.

– И что? Помогает? – изумился я.

– Смотря сколько съест.

– Надо бы в магазин, – нехотя пробасил угрюмый Глухарь, – пацанов домой проводить.

– Кто пойдет?

– Пусть Большой бежит, – Постал зевая, завалился на диван.

– Почему я? – Большой захлопал на остальных глазами.

– Ну, ты самый молодой...

– Все пойдем, и ты тоже! – Влад выбрался из кресла, недобро взглянув на Постала. – Гражданку надень, патруля нам не хватает. Авдеевку он брал! До конца жизни теперь на диване лежать будешь? Ты с нами? – Влад посмотрел на меня.

Я кивнул.

Для меня все они были молодыми. В полтора, почти в два раза младше меня, но у меня не возникало желание гундеть по-стариковски: мол, куда же вы, детишки приехали, куда же вас, родненьких, занесло? Я считал их ровесниками и надеялся, что и они воспринимают меня так же. В целом, так оно и выходило.

К своим годам я не разучился делать глупости, а в их годы спустился бы в ад только для того, чтобы проверить, насколько там жарко. Война дело молодых, в конце концов.

Мы шли по притихшему ночному Донецку, изумленные упавшей на него тишиной. В круглосуточном магазине мы купили водки, колбасы и сыра, по какой-то непонятной мне причине ночью нам хлеба в магазине не продали, и вышли по мощеной, блестящей в фонарном свете брусчаткой улице на набережную Кальмиуса. На другом берегу реки моргал огнями светофоров живой, мирный город, уперся рогами

пилонов в черное небо мост, а над кромкой темной воды маячили тени огромных камышей и вздыхал, качая их стебли, притаившийся в них ветер.

– Тихо как... – пробормотал Большой, хрустнул пробкой, открывая бутылку, сделал большой глоток из горла и передал мне.

Бутылка оказалась с дозатором, и водка, равномерно булькая, короткими толчками потекла в горло.

Я поморщился:

– Забыли стаканчиков купить...

– Зачем? – безразлично спросил Влад, тоже прикладываясь к бутылке.

Все замолчали.

– Трупы хохлов приправой карри пахнут, – подал голос Постал, жуя колбасу. – Seriously, карри! В сухпайке у них что-то такое может быть?

– А наши чем?

– Наши – курицей.

Придя домой, много орали, смеялись, делали бутерброды из сыра и колбасы. Выяснилось, что у бойцов нет ни одной нормальной кружки, чай они не пьют, а пьют исключительно энергетик. Нашли все же для меня армейскую кружку в одном из ранцев, а пацаны допили остатки из горла, сходили за добавкой.

– Слышь, Большой, – выпив, икнул Глухарь, – домой приедешь, по бабам побежишь?

– У меня девушка есть...

– Ну, девушку будешь драть два дня не вынимая, – пьяно хихикнул Постал.

– Мы, вообще-то, с ней еще не... – пробормотал Большой и осекся.

– Ну ты даешь! – буркнул Глухарь. – На войну поехал, а девке своей не присунул.

Большой потупился, а Влад, что-то заподозрив, внимательно поглядел на него.

– Большой, а у тебя вообще было?

Большой молчал, теперь уже все за столом посмотрели в его сторону.

– Вот ты долбодятел! – заключил за остальных Глухарь. – Тебе сколько? Девятнадцать? Две поездки в эту жопу, а ты девственник?

Большой продолжал молчать, а выражение его мальчишеского лица отчего-то приняло виноватый вид.

– Нет, Саня, – забыв про позывной, после долгой паузы проговорил Влад, – мы тебя такого чистенького домой не отпустим.

– В номера? – усмехнулся Постал, вспомнив фразу из «Двенадцати стульев».

– Ну а чо? Сауну снимем часа на три, девок, водки купим, посидим...

– В номера, – деланно вздохнув, подтвердил Глухарь.

То, что происходило в сауне, я помню плохо. Помню поразивший меня бассейн. Обычный, небольшой, невзрачный бассейн с зеленоватой, мутной, пахнущей хлоркой водой. Но меня, несколько месяцев наблюдавшего воду только на дне своего маленького тазика, такое ее количество привело в восторг. Достать меня из бассейна долго никому не удавалось.

Помню, что в середине банкета уснул на лавочке. Еще помню, как сквозь сон слышал, как Постал кричал кому-то: «...Бежишь, наступаешь ему на ногу, на спину, на голову и не понимаешь, что он мертвый. Поворачиваешься, говоришь: “Извини, браток!” – и дальше бежишь. Не только я так делал, все так делают. Все!..»

Проснулся я уже в квартире. За окном было хмурое, как мокрый асфальт, небо, по которому уплывали прочь из города белесые куски разорванных облаков. Тело мое болело, а походный коврик прилип к щеке, оставив на ней клетчатый узор.

Кое-как поднявшись, я отыскал Большого в куче армейского барахла, у того из-под наваленных друг на друга броников торчали только ноги в грязных носках.

– Вставай, – потянул я его за ногу, – нам на вокзал надо, я такси вызвал.

– Гмхмм, – промычал Большой, из-под бронежилетов его было почти не слышно.

На автовокзале былолюдно. В торговом центре неподалеку играла музыка, обрывки облаков унесло ветром, и в пробитом асфальте неба показалось солнце.

Пока я покупал в ларьке беляши в дорогу, Большой, бросив ранец на скамейку, озирался по сторонам, а когда я вернулся, задумчиво протянул:

– В городе, наверное, умирать удобнее...

– Это еще почему? – удивился я.

– Найдут сразу, – он помолчал, подбирая слова. – Там, – Большой неопределенно кивнул за спину, – там когда найдут, то это уже и не человек вовсе. Понимаешь... я же видел. Если вообще найдут. А здесь... удобно.

Автобусы в Москву и Ростов отходили одновременно и стояли на платформах рядом. Пока салоны наполняли неторопливые пассажиры, я наблюдал за ним через окно. Он сидел на своем месте, тоже у окна, чуть ссутулившись, отчего его небольшая фигура сделалась совсем маленькой. Надвинув кепку на глаза и поставив ранец на колени, он копошился в нем, перебирал что-то и беззвучно шевелил губами. Может быть, считал свои испорченные патроны.